

Мультикультурализм как технология социально-политической регуляции современного гетерогенного общества

Дмитрий ВОВК,

аспирант кафедры политических наук

Южно-Украинского национального педагогического университета имени К. Д. Ушинского, г. Одесса, Украина

SUMMARY

Multiculturalism was examined as a form of socio-political technology, the aim of which is solving the problem of multinational society. In the article is defined the variety of multicultural projects on the national models` level. There are demonstrated special features of using multiculturalism as an ideology of forming multicultural state.

Key words: multiculturalism, multinational society, political management, minorities.

Актуальность исследования мультикультурализма, как технологии социально-политической регуляции, обусловлена необходимостью организации в политическом поле диалога разных культурных традиций в рамках национальных образований.

Разработка данной научной проблемы носит междисциплинарный характер и представлена работами таких известных ученых, как Б. Барри, Н. Гавриленко, Б. Кагарлицкий, У. Кимличка, Ч. Кукатас, В. Малахов, Д. Ролз, Г. Терборн, В. Тишков, Ч. Тейлор, Г. Филимонов, Ю. Хабермас, С. Цатурян, З. Чергин и др.

Цель статьи – проанализировать формы политической регуляции в гетерогенных обществах, выделить определенные социальные технологии, которые направлены на решение социально-политических проблем, связанных с вопросами культурной, этнической, расовой и религиозной разнородностями государств.

Известной идеологической моделью преодоления культурно-этнических расхождений является ассимиляция – интеграция – мультикультурализм. Особенность последней составной состоит в его политической управляемости,

которая делает его инструментом политического менеджмента.

Одна из отличительных характеристик мультикультурного общества – отрицание иерархии культуры, культурного распределения на центр и периферию, примат горизонтальных связей над вертикальными. Все это сближает мультикультурализм с практикой постмодерных обществ. Но реализация мультикультурных проектов на уровне национальной модели имеет определенное своеобразие в понимании приоритетных задачий и форм их реализации.

Так, как известно, для двух стран – Канады и Австралии – поворот к мультикультурности стал частью радикальных изменений в формировании национальной идеи, а именно – реструктурирование национальной истории, которая начинается непосредственно на поприщах собственных континентов, обеспечивая независимость от влияния Европы и Великой Британии. Следовательно, включение автохтонного населения в состав национального целого наряду с другими меньшинствами положило начало политики мультикультурализма, который выступил принципом организации

общегосударственного, национального пространства.

В 1971 г. правительство Канады провозгласило государство мультикультурным обществом. На следующий год были созданы *Директорат и Министерство по делам мультикультуруности* и на протяжении почти трех десятилетий в состав федерального кабинета входил министр, который официально отвечал за решение мультикультурной проблемы. Принципы культурной политики провозглашались в *Декларации прав и свобод* и юридически закреплялись в *Акте о мультикультурализме* (1988), благодаря чему он стал главным фактором самоопределения в Канаде.

Аналогичные процессы наблюдались и в Австралии, в которой политика мультикультурности начала формироваться в 70-е годы XX-го столетия как антидискриминационная относительноaborигенного населения. В 80-е годы при правительстве был создан департамент по мультикультурности, а в 1989 г. – провозглашена *Национальная программа в поддержку мультикультурной Австралии*.

Принятие мультикультурализма в качестве официальной политики государства означает, что оно принимает на себя обязательство по созданию одинаковых условий развития для всех культурных и социальных сегментов общества. В то же время поддержка правительствами Канады и Австралии мультикультурализма как принципа национального развития не исключало дискуссий относительно его действенности и целесообразности, особенно в периоды экономических спадов, когда поток иммигрантов из кризисных стран значительно возрастает и затрудняет восприятие национального единства. Возникающие такого рода трудности привели к тому, что в 90-х годах прошлого века классическая мультикультурная политика в Австралии и Канаде в известной мере исчерпала себя, уступив позиции «американскому» варианту мультикультурности.

Американский мультикультурализм

не был принят в качестве официальной политики, приобретя черты «протестной», «воинственной» идеологии меньшинства и став социальным движением иммигрантов, борющихся за свои права. Наиболее острыми вопросами стали требования этнической квоты, мультикультурной образовательной программы, правовой защиты и т. д.

Наиболее популярной является теория «культурного плюрализма», которая оформилась благодаря концепции Хораса Каллена, провозгласившего в 1915 г. в серии своих статей американское общество «федерацией культуры», в которой не нужно ожидать от иммигрантов отказа от собственной культуры и идентичности как условия включения в американское общество. [1]

Другая модель национальной идентичности в США получила название «томатного супа», она предусматривала культурную ассимиляцию иммигрантов в среде англосаксской культуры, которая принадлежала первой мигрантской волне. «Англо-конформистская модель», по словам С. Хантингтона, имела успех до 60-х годов прошлого столетия. [2, с. 178] Американские исследования в 70-х годах рассматривали проблему интегрирования мигрантов в контексте «ассимиляции» и «аккультурации».

Если Америку представляли как космополитическую федерацию колоний и иностранных культур, создающую из них транснациональную систему, то Европа, напротив, смогла сохранить национальные ядра, несмотря на значительные переселенческие потоки.

В начале 60-х годов Европа превратилась в континент, охваченный сетью иммиграции. Этот процесс постепенно нарастал и достиг апогея в начале 90-х годов прошлого столетия. За короткое время Западная Европа стала такой же, как и полигэтнический Новый мир.

Таким образом, в 80-е годы мультикультурализм вошел в политическую практику большинства европейских стран. В контексте европейского подхода, по мнению К. Шамбер и М.

Джуварли, мультикультураллизм (за исключением Швейцарии) является не политическим решением, а политической реальностью, в основе которой не было стремления создать многонациональные государства [3, с. 142]. Следовательно, культурная гетерогенизация является, скорее, следствием обстоятельств, а не национальной политики. Так, большинство стран Европы и Америки не ставили целью создания поликультурного общества, но недостаток трудовых ресурсов, начиная со второй половины XX столетия, и желание поддержать определенный социально-экономический уровень развития страны привели к привлечению значительного количества мигрантов (Германия). Приток иммигрантов способствовал и процесс распада колониальной империи, и неопределенный статус граждан колоний (Великобритания, Франция), а также экономическая привлекательность «Нового мира» и провозглашенные принципы «свободы» и «равенства» (США, Канада).

Поликультурному обществу необходима общая стратегия, направленная на нейтрализацию противоречий, которые возникают в разнородном социуме. В течение двух прошлых столетий национальные государства были вынуждены искать адекватные ответы на социально-экономические и политические вызовы, что спровоцировало масштабное наступление на национальные культуры государств, которые в создавшейся ситуации нуждались в разработке новых, эффективных технологий социально-политической регуляции.

Исторически первой политической программой стала культурная и социальная ассимиляция. Ее реализация должна была привести к максимально возможной унификации, отказу от культурного компонента идентичности. Такая политика широко известна как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе.

Так, одной из разновидностей ассимиляционного типа политики было противодействие компактному поселению

и содействие дисперсии группы в пределах государственной территории. Этот тип наиболее полно и научно проанализирован А. Сове и Г. Дебре в работе «Французы для Франции» (1946 г.), в которой отмечалось, что только дисперсное расселение иммигрантов под жестким присмотром может создать условия для ассимиляции. [4] В то же время, французская концепция публичного образования вызывает негативную реакцию, а многоязычность фактически подрывает французское представление о нации, как сообщество, которое имеет общий язык.

Следует почеркнуть, что европейские страны, за исключением Франции, не рассматривали ассимиляцию мигрантов, как перспективу развития.

Особую популярность в Европе получила так называемая интеграционная модель. Интеграция предусматривает содействие выполнению активной общественной роли иммигрантами, но не препятствует сохранению культурного своеобразия. Принятие интеграционной модели государством означает, что оно несет ответственность за создание условий для национальных меньшинств и групп мигрантов.

Продолжающиеся дискуссии в Европе по поводу целесообразности мультикультурной политики сводятся к противопоставлению национального государства и мультикультурного общества. Мультикультураллизм ориентирован на развитие и сохранение в отдельной стране и в мире культурных отличий и признает права за коллективными субъектами стать «вызовом для культурной гегемонии национальных государств».

Мультикультурная политика в той или иной форме («мягкой» или «жесткой») проводилась в жизнь почти во всех европейских странах на протяжении трех последних десятилетий.

В 1989 г. во Франкфурте-на-Майне, одном из самых полиэтнических мест Европы, был создан Отдел по мультикультурным вопросам. С середины 70-х годов к проблеме мультикультурного общества обратилась Швейцария, которая

стала рассматривать население как «дефицитный ресурс». Была сформирована национальная комиссия по делам иностранцев. А с 2000 года интеграция мигрантов стала рассматриваться как одно из первоочередных задач государства.

Пример воплощения модели «жесткого мультикультурализма» представляла Великобритания, которая внедряла широкую систему мероприятий по поддержке национальных меньшинств с целью сохранения ими самобытности, культуры, традиций и обычаяев. Адептом мультикультурной идеологии в Великобритании стала Лейбористская партия, которая в течение нескольких десятилетий последовательно отстаивала мультикультурализм как принцип, на котором должно основываться постнациональное и постколониальное британское общество.

Важно отметить, что в странах, где мультикультурализм стал официальной политической программой, достигнут определенный положительный результат. Так, рост иммиграционного потока вынудил шведское правительство отказаться от политики ассимиляции в интересах мультикультурализма. В 1975 г. состоялось утверждение мультикультурализма в качестве официальной политической стратегии, которая базировалась на трех принципах – «равенстве», «свободе выбора», «партнерстве». Реализация мультикультурной стратегии здесь началась с решения вопроса о представительстве интересов меньшинств в 1976 г. Согласно этой стратегии, в Швеции относятся к культурным различиям не как к самой ценности, которую стоит сохранить, а как к реальности, которую нельзя избежать. Важно, что в Швеции, как в Канаде и Австралии, ведущими направлениями мультикультурной стратегии стали языковая и образовательная политики.

Реализация мультикультурных проектов предусматривала предоставление равных возможностей для мигрантов, не требуя признания норм и стандартов поведения в стране эмиграции. В реальной жизни, с одной стороны,

состоялось «выхолащивание» идей мультикультурализма, что отразилось в акцентировании отличий в противовес защиты прав меньшинств на политическую самореализацию и социально-экономическое равенство, в актуализации «инаковости» культуры, которая привела к коммерциализации этничности. С другой стороны, «мультикультурализм привел во многих странах к геттоизации этнических обществ, фрагментации социальной структуры европейских государств, к формированию системы этнических и конфессиональных диаспор, созданию «параллельных обществ». В результате экспансия мигрантов из других цивилизационных центров стала видеться как угроза собственной идентичности. И потому с середины 80-х годов Совет Европы стал способствовать осуществлению образовательных проектов, которые больше не рассматривались как мульти- или же как транскультурные, а вместо этого попытались создать «межкультурное образование», которое акцентирует внимание на «взаимодействии», а не на параллельном существовании разных культур.

В последнее десятилетие европейские страны в своем большинстве отказываются от идеи воплощения «государственного мультикультурализма», который консервирует патриархальность и традиционную общину. Многие исследователи заговорили о «кризисе мультикультурализма» в Европе, подразумевая под ним то состояние, при котором государство и общество представлены в виде разрозненных сообществ, которые не сотрудничают и не идентифицируют себя как единое целое.

Консервативная партия Великобритании видит альтернативу в идеи отказа государства от поддержки социальных программ, ориентированных на интеграцию мигрантов, и в активизации деятельности местных общин, которые продвигают «базовые британские ценности». [5] В Германии сторонники консервативной силы акцентированы на теории «базовой культуры». Один из

авторов, известный немецкий философ **Басс Тиби**, отмечает, что в любой стране есть культура, которая формировалась веками, как отношения между людьми и обществом. Несмотря на то, что в Германии выросло поколение иммигрантов, доминирующей политической концепцией остается представление о Германии, как стране для немцев, о чем откровенно в 2004 г. заявила Ангела Меркель, оповестившая мир о «крахе политики мультикультурализма». А традиционный принцип определения гражданства – этнический – «право крови» остается актуальным. В 2012 г. эта проблема в Германии приобрела скандальный характер в связи с выходом книги Тело Сарацина «Германия – самоликвидация».

Поскольку мультикультурализм включает в себя признание коллективных прав и внимание к коллективным возможностям, то возникло напряжение с концептами относительно места индивида и индивидуальности. Если в основе традиционного западноевропейского общества либеральной идеологии лежала идея защиты равных прав индивидов – граждан, то мультикультурализм

распространяет это право на коллектизы индивидов. Поэтому в определенном смысле мультикультурализм – это равноправие ценностей в условиях глобализации. Следовательно, если раньше потенциальную угрозу видели в том, что иммигранты лишают коренное население рабочих мест, то теперь речь идет об угрозе либеральным ценностям западной демократии. Парадокс заключается в формулировке противоположных требований: если меньшинства требуют позитивной дискриминации, то титульные или «доминирующие» группы – закрепления в законодательстве режима привилегий для этих культурных групп.

Следовательно, мультикультурализм как технология социально-политической регуляции современного гетерогенного общества существует в форме политической стратегии, которая воспринимается как политическое реагирование и попытка адекватного ответа на социально-экономические и культурно-политические вызовы, которые угрожают стабильности системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Терборн Г. *Мультикультурные общества* / Социологическое обозрение, 2001. Том 1, № 1, с. 50-67.
2. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской идентичности [Пер. с англ. А. Башкирова]. – Москва: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзит книга», 2004, 206 с.
3. Шамбер К. *Миграционная политика Европы как фактор ее цивилизационного будущего*. / К. Шамбер, М. Джуварлы / Вестник В.Э.Г.У., 2011. № 1(51), с. 140-146.
4. Раттансі А. Від мультикультуралізму – до інтеркультуралізму. [Переклад А. Маклакова]. – <<http://dialogs.org.ua/ru/cross/page25865.html>>
5. Carl R. *Islamists in the «rainbow» coalition*. – New York: Society, 2008. Vol. 45, no. 2, p. 181-190.

Prezentat: 10 decembrie 2012.

E-mail: pnpu_politolog2010@mail.ru